

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

ШХУНА «ПИЛИГРИМ»

Второго февраля 1873 года топсельная шхуна «Пилигрим» находилась под $43^{\circ}57'$ южной широты и $165^{\circ}19'$ западной долготы от Гринвича. Это судно, водоизмещением в четыреста тонн, снаряженное в Сан-Франциско для охоты на китов в южных морях, принадлежало богатому калифорнийскому судовладельцу Джемсу Уэлдону; командовал судном уже много лет капитан Халл.

Джемс Уэлдон ежегодно отправлял целую флотилию судов в северные моря, за Берингов пролив, а также в моря Южного полушария, к Тасмании и к мысу Горн. «Пилигрим», хотя и один из самых маленьких кораблей флотилии, считался среди них одним из лучших. Ход у него был отличный. Превосходная, очень удобная оснастка позволяла ему с небольшой командой доходить до самой границы сплошных льдов Южного полушария. Капитан Халл умел лавировать, как говорят моряки, среди плавучих льдин, дрейфующих летом южнее Новой Зеландии и мыса Доброй Надежды, то есть на гораздо более низких широтах, чем в северных морях. Правда, это только небольшие айсберги, уже потрескавшиеся и размытые теплой водой, и большая часть их быстро тает в Атлантическом или Тихом океанах.

На «Пилигриме» под началом капитана Халла, прекрасного моряка и одного из лучших гарпунщиков

южной флотилии, находился экипаж из пяти матросов и одного младшего матроса. Этого было недостаточно, так как охота на китов требует довольно большого экипажа для обслуживания шлюпок и для разделки добытых туш. Но мистер Джемс Уэлдон, как и другие судовладельцы, считал, что гораздо выгоднее нанять в Сан-Франциско лишь матросов, необходимых для управления кораблем. В Новой Зеландии не было недостатка в искусных гарпунщиках и матросах всех национальностей, безработных или просто сбежавших со своего корабля, всегда готовых наняться на один сезон. По окончании промыслового рейса они получали расчет и дожидались на берегу следующего года, когда их услуги снова могли понадобиться китобойным судам. При такой системе судовладельцы экономили немалые суммы на жалованье судовой команды и увеличивали свои доходы от промысла.

Именно так поступил и Джемс Уэлдон, снаряжая в плавание «Пилигрим».

Шхуна только что закончила китобойную кампанию вблизи Южного полярного круга, но в ее трюмах оставалось еще много места для китового уса и немало бочек, не заполненных ворванью. Уже в то время китовый промысел был нелегким делом. Киты стали редкостью: сказывались результаты их беспощадного истребления. Настоящие киты, которых на севере называют гренландскими, а на юге австралийскими, начали исчезать, и охотникам приходилось промышлять полосатиков¹, охота на которых представляет немалую опасность.

¹ Настоящие киты дают охотникам ворвань (китовый жир) — ценное промышленное сырье — и китовый ус. Китовый ус — роговые пластины — употребляется для изготовления разных изделий. Полосатики дают только ворвань; пластинки китового уса у них развиты слабо.

Так же вынужден был поступить на этот раз и капитан Халл, но он рассчитывал пройти в следующее плавание в более высокие широты — если понадобится, вплоть до Земли Клери и Земли Адели, открытых, как это твердо установлено, французом Дюмоном-Дюрвилем на «Астролябии» и «Зеле», хотя это и оспаривает американец Уилкс.

В общем, «Пилигриму» в этом году не повезло. В начале января, в самый разгар лета в Южном полушарии, то есть задолго до конца промыслового сезона, капитану Халлу пришлось покинуть место охоты. Вспомогательная команда — сборище довольно темных личностей — вела себя дерзко, нанятые матросы отлынивали от работы, и капитан Халл вынужден был расстаться с ней.

«Пилигрим» взял курс на северо-запад, к Новой Зеландии, и 15 января прибыл в Вайтемату, порт Окленда, расположенный в глубине залива Хаураки на восточном берегу северного острова. Здесь капитан высадил китобоев, нанятых на сезон.

Постоянная команда «Пилигрима» была недовольна: шхуна недобрала по меньшей мере двести бочек ворвани. Никогда еще результаты промысла не были столь плачевны.

Больше всех недоволен был капитан Халл. Самолюбие прославленного китобоя было глубоко уязвлено неудачей: впервые он возвращался с такой скудной добычей; и он проклинал лодырей, неповиновение которых сорвало промысел.

Напрасно пытался он набрать в Окленде новый экипаж: все моряки были уже заняты на других китобойных судах. Пришлось, таким образом, отказаться от надежды пополнить груз «Пилигрима», и капитан Халл собирался уже уйти из Окленда, когда к нему обратились с просьбой принять на борт пассажиров — с просьбой, на которую он не мог ответить отказом.

В это время в Окленде находились миссис Уэлдон, жена владельца «Пилигрима», ее пятилетний сын Джек и ее родственник, которого все называли «кузен Бенедикт». Джеймс Уэлдон, который изредка посещал Новую Зеландию по торговым делам и привез туда их всех троих, предполагал сам же и отвезти их в Сан-Франциско. Но перед самым отъездом маленький Джек серьезно занемог, и его отец, которого призывали в Америку неотложные дела, уехал, оставив в Окленде жену, заболевшего ребенка и кузена Бенедикта.

Прошло три месяца — три тяжелых месяца разлуки, показавшихся бедной миссис Уэлдон бесконечно долгими. Постепенно маленький Джек оправился от болезни, и миссис Уэлдон уже могла уехать. Как раз в это время в Оклендский порт пришел «Пилигрим».

Дело в том, что для возвращения в Сан-Франциско миссис Уэлдон должна была сначала поехать в Австралию, чтобы там пересечь на один из трансокеанских пароходов компании «Золотой век», которые ходили из Мельбурна к Панамскому перешейку через Папеэте. Добравшись до Панамы, она должна была ждать американского парохода, курсировавшего между перешейком и Калифорнией. Такой маршрут означал длительные задержки и пересадки, особенно неприятные для женщин, путешествующих с детьми. Поэтому, узнав о прибытии «Пилигрима», миссис Уэлдон обратилась к капитану Халлу с просьбой доставить ее в Сан-Франциско вместе с Джеком, кузеном Бенедиктом и Нэн — старухой-негритяжкой, которая вынянчила еще саму миссис Уэлдон. Совершить путешествие в три тысячи лье¹ на парусном судне! Но судно капитана Халла всегда содержалось в безукоризненном порядке, а время года было еще благоприятно для пла-

¹ *Лье* — французская мера расстояния, равная на море 5,555 километра.

вания по обе стороны экватора. Капитан Халл согласился и тотчас предоставил в распоряжение пассажирки свою каюту. Он хотел, чтобы во время плавания, которое должно было продлиться дней сорок-пятьдесят, миссис Уэлдон была окружена на борту китобойного судна возможно большим комфортом.

Таким образом, для миссис Уэлдон путешествие на «Пилигриме» представляло некоторые преимущества. Правда, плавание должно было несколько затянуться из-за того, что шхуне нужно было сначала зайти для разгрузки в порт Вальпараисо в Чили. Но зато после этого судну предстояло идти до самого Сан-Франциско вдоль американского побережья при попутных береговых ветрах.

Миссис Уэлдон, не раз делившая с мужем тяготы дальних странствий, была храбрая женщина, и море ее не пугало; ей было около тридцати лет, она отличалась завидным здоровьем и не боялась тягот и опасностей плавания на судне небольшого тоннажа. Она знала, что капитан Халл — отличный моряк, которому Джемс Уэлдон вполне доверяет, а «Пилигрим» — надежный быстроходный корабль и на отличном счету среди американских китобойных судов. Случай представился, надо было им воспользоваться. И миссис Уэлдон им воспользовалась.

Разумеется, кузен Бенедикт должен был сопровождать ее.

Кузену было лет пятьдесят. Но, несмотря на довольно солидный возраст, было бы неразумно выпускать его одного из дому. Скорее сухопарый, чем худой, не то чтобы высокий, но какой-то длинный, с огромной взлохмаченной головой, с золотыми очками на носу — таков был кузен Бенедикт. В этом долговязом человеке с первого взгляда можно было распознать одного из тех почтенных ученых, безобидных и добрых, которым на роду написано всегда оставаться взрослыми деть-

ми, жить на свете лет до ста и умереть с младенческой душой.

«Кузен Бенедикт» — так его звали не только члены семьи, но и посторонние, и он действительно был из тех простодушных добряков, которые кажутся всеобщими родственниками, — кузен Бенедикт никогда не знал, куда ему девать свои длинные руки и ноги; трудно было найти человека более беспомощного и несамостоятельного даже в самых обыденных, житейских вопросах. Нельзя сказать, что он был обузой для окружающих, но он как-то ухитрялся стеснять каждого и сам чувствовал себя стесненным собственной неуклюжестью. Впрочем, он был неприхотлив, покладист, нетребователен, нечувствителен к жаре и холоду, мог не есть и не пить целыми днями, если его забывали накормить и напоить. Казалось, он принадлежит не столько к животному, сколько к растительному царству. Представьте себе бесплодное, почти лишненное листьев дерево, не способное ни приютить, ни накормить путника, но обладающее прекрасной сердцевиной.

Таков был кузен Бенедикт. Он охотно оказывал бы услуги людям, если бы в состоянии был оказывать их.

И его все любили, несмотря на его слабости, а может быть, именно за них. Миссис Уэлдон смотрела на него как на своего сына, как на старшего брата маленького Джека.

Следует, однако, оговориться, что кузен Бенедикт не был ни лентяем, ни бездельником. Напротив, это был неутомимый труженик. Единственная страсть — естественная история — поглощала его целиком.

Сказать «естественная история» — значит сказать очень многое.

Известно, что эта наука включает в себя зоологию, ботанику, минералогия и геологию.

Однако кузен Бенедикт ни в какой мере не был ни ботаником, ни минералогом, ни геологом.

Был ли он в таком случае зоологом в полном смысле этого слова — кем-то вроде Кювье¹ Нового Света, аналитически разлагающим или синтетически воссоздающим любое животное, одним из тех глубоких мудрецов, которые всю свою жизнь посвящают изучению тех четырех типов — позвоночных, мягкотелых, суставчатых и лучистых, — на какие современное естествознание делит весь животный мир? Изучал ли этот наивный, но прилежный ученый разнообразные отряды, подотряды, семейства и подсемейства, роды и виды этих четырех типов?

Нет!

Посвятил ли себя кузен Бенедикт изучению позвоночных: млекопитающих, птиц, пресмыкающихся и рыб?

Нет и нет!

Быть может, его занимали моллюски? Быть может, головоногие и мшанки раскрыли перед ним все свои тайны?

Тоже нет!

Значит, это ради изучения медуз, полипов, иглокожих, губок, простейших и других представителей лучистых он до глубокой ночи жег керосин в лампе?

Надо прямо сказать, что не лучистые поглощали внимание кузена Бенедикта.

А так как из всей зоологии остается только раздел суставчатых, то само собой разумеется, что именно этот раздел и был предметом всепоглощающей страсти кузена Бенедикта.

Однако и тут требуется уточнение.

¹ Жорж Кювье (1769–1832) — известный французский натуралист, прославившийся исследованиями ископаемых животных; предложил классификацию животного мира, разделив его на четыре основных типа; эта классификация, которой пользуется здесь Жюль Верн, теперь устарела.

Суставчатых насчитывают шесть отрядов: насекомые, многоногие, паукообразные, ракообразные, усоногие, кольчатые черви.

Так вот, кузен Бенедикт, говоря научно, не сумел бы отличить земляного червя от медицинской пиявки, домашнего паука от лжескорпиона, морского желудка от креветки, кивсяка от сколопендры.

Кем же был в таком случае кузен Бенедикт?

Только энтомологом, и никем иным!

На это могут возразить, что энтомология уже по самому смыслу слова¹ есть часть естественной истории, занимающаяся изучением всех суставчатых. Вообще говоря, это верно, но обычно в понятие «энтомология» вкладывается более ограниченное содержание. Этот термин применяется только для обозначения науки о насекомых, то есть суставчатых беспозвоночных, в теле которых различаются три отдела — голова, грудь и брюшко — и которые снабжены тремя парами ног, почему их и назвали шестиногими.

Итак, кузен Бенедикт был энтомологом, посвятившим свою жизнь изучению только класса насекомых.

Но не следует заблуждаться, думая, что кузену Бенедикту нечего было делать. В этом классе насчитывается не менее десяти отрядов:

прямокрылые (представители: кузнечики, сверчки и т. д.);

сетчатокрылые (представители: муравьиные львы, мошки);

перепончатокрылые (представители: пчелы, осы, муравьи);

чешуекрылые (представители: бабочки);

полужестkokрылые (представители: цикады, блохи);

жестkokрылые (представители: майские жуки, бронзовки);

¹ Слово «энтомология» составлено из греческих слов: «энтомос» — «разделенный, рассеченный» и «логос» — «наука».

двукрылые (представители: комары, москиты, мухи);

веекрылые (представители: стилопсы, или веерокрылы);

паразиты (представители: клещи);

низшие насекомые (представители: чешуйницы).

И среди лишь одних жесткокрылых насчитывается не менее тридцати тысяч разных видов, а среди двукрылых — шестьдесят тысяч¹, поэтому нельзя не признать, что работы для одного человека здесь больше чем достаточно.

Итак, жизнь кузена Бенедикта была посвящена безраздельно исключительно энтомологии.

Этой науке он отдавал все свое время: не только часы бодрствования, но также и часы сна, потому что ему даже во сне неизменно грезились насекомые. Невозможно сосчитать, сколько булавок было вколото в обшлага его рукавов, в отвороты и полы его пиджака, в его жилет, в поля его шляпы. Когда кузен Бенедикт возвращался домой с загородной прогулки, всегда предпринимаемой с научной целью, его шляпа представляла собой витрину с коллекцией самых разнообразных насекомых. Наколотые на булавки, они были пришпилены к шляпе как снаружи, так и изнутри.

Чтобы дорисовать портрет этого чудака, скажем, что он решил сопровождать мистера и миссис Уэлдон в Новую Зеландию исключительно ради того, чтобы удовлетворить свою страсть к новым открытиям в энтомологии. В Новой Зеландии ему удалось обогатить свою коллекцию несколькими редкими экземплярами, и теперь кузен Бенедикт с понятным нетерпением рвался назад, в Сан-Франциско, желая поскорее рас-

¹ Теперь известно более миллиона видов насекомых, разделяемых более чем на тридцать отрядов, из них свыше двухсот тысяч разновидностей жуков.

сортировать драгоценные приобретения по ящикам в своем рабочем кабинете.

И так как миссис Уэлдон с сыном возвращались на «Пилигриме» в Америку, вполне понятно, что кузен Бенедикт ехал вместе с ними. Однако в случае какой-нибудь опасности миссис Уэлдон меньше всего могла рассчитывать на помощь кузена Бенедикта. К счастью, ей предстояло совершить лишь приятное путешествие по морю, спокойному в это время года, и на борту судна, которое вел капитан, заслуживающий полного доверия.

В продолжение трех дней стоянки «Пилигрима» в Вайтемате миссис Уэлдон успела сделать все приготовления к отъезду. Она очень торопилась, так как не хотела задерживать отправление судна. Рассчитав туземную прислугу, которую наняла в Окленде, она 22 января перебралась на «Пилигрим» вместе с Джеком, кузеном Бенедиктом и старой негритянкой Нэн.

Кузен Бенедикт носил с собой в особой коробке всю свою драгоценную коллекцию. В этой коллекции, между прочим, хранилось несколько экземпляров жука стафилина — плотоядного жесткокрылого, с глазами, расположенными в верхней части головы, которого до этого времени считали присущим только новокаледонской фауне. Кузену Бенедикту предлагали захватить с собой ядовитого паука «катино», как его называют маори¹, укус которого нередко бывает смертелен для человека. Но паук не принадлежит к насекомым, его место среди паукообразных, и, следовательно, он не представлял никакого интереса для кузена Бенедикта. А потому наш энтомолог пренебрежительно отказался от паука и по-прежнему считал самым ценным экземпляром своей коллекции новозеландского жука стафилина.

¹ *Маори* — коренное население Новой Зеландии.

Конечно же, кузен Бенедикт застраховал свою коллекцию, не пожалев денег на уплату страхового взноса. Эта коллекция, на его взгляд, была дороже, чем весь груз ворвани и китового уса в трюме «Пилигрима».

Когда миссис Уэлдон и ее спутники поднялись на борт шхуны и настала минута сниматься с якоря, капитан Халл подошел к своей пассажирке и сказал:

— Само собой разумеется, миссис Уэлдон, вы принимаете на себя всю ответственность за то, что решили отправиться на «Пилигриме».

— Почему вы это говорите, капитан Халл? — спросила миссис Уэлдон.

— Потому что я не получил никаких указаний на этот счет от вашего супруга, а плавание на шхуне не может быть таким легким и приятным, как на пакетботе¹, специально приспособленном для перевозки пассажиров.

— Как вы думаете, мистер Халл, — ответила миссис Уэлдон, — если бы муж был здесь, поколебался бы он совершить это плавание на «Пилигриме» вместе со мной и с нашим сыном?

— Конечно нет! — ответил капитан. — Не больше, чем поколебался бы я сам. «Пилигрим» — отличное судно, хоть промысловый сезон в этом году у него был неудачный, и я уверен в нем так, как только может быть уверен в своем судне моряк, командующий им много лет. Я сказал вам это, миссис Уэлдон, только для очистки совести и чтобы еще раз повторить, что вы не найдете здесь тех удобств, к которым привыкли.

— Если все дело сводится к удобствам, капитан Халл, — возразила миссис Уэлдон, — это меня не тревожит. Я не принадлежу к числу тех капризных пассажиров, которые все время жалуются на тесноту каюты или однообразное меню.

¹ *Пакетбот* — устарелое название почтово-пассажирского судна.

Миссис Уэлдон секунду смотрела на своего маленького сына, которого держала за руку, и закончила:

— Итак, в путь, капитан!

Капитан Халл тотчас же приказал поднять якорь. Через короткое время «Пилигрим», поставив паруса, вышел из Оклендского порта и взял курс к американскому побережью. Однако через три дня после отплытия с востока задул сильный ветер, и шхуна вынуждена была держать круто к ветру.

Поэтому 2 февраля капитан Халл все еще находился в широтах более высоких, чем ему хотелось бы, — в положении моряка, который намеревается обогнуть мыс Горн, а не плыть прямо к западному берегу Нового Света.

Глава вторая ДИК СЭНД

Погода стояла хорошая, и, если не считать задержки, плавание совершалось в сносных условиях.

Миссис Уэлдон устроили на борту «Пилигрима» как можно удобнее. На корабле не было ни юта, ни какой-то надстройки, а значит, не было и каюты для пассажиров. Миссис Уэлдон должна была довольствоваться крошечной каютой капитана Халла, расположенной на корме. Деликатную женщину пришлось уговаривать занять ее. В этой тесной каморке вместе с нею поселились маленький Джек и старуха Нэн. Там они завтракали и обедали вместе с капитаном и кузеном Бенедиктом, которому отвели клетушку на носу судна.

Сам капитан Халл перебрался в каюту, предназначенную для его помощника. Но, как известно, экипаж «Пилигрима» ради экономии не был укомплектован полностью, и капитан обходился без помощника.

Команда «Пилигрима» — искусные и опытные моряки, державшиеся одинаковых взглядов и одинаковых привычек, — жила мирно и дружно. Они плавали вместе уже четвертый промысловый сезон. Все матросы были американцами, все с побережья Калифорнии и с давних пор знали друг друга.

Эти славные люди были очень предупредительны по отношению к миссис Уэлдон, жене судовладельца, к которому они питали беспредельную преданность. Надо сказать, что все они были очень заинтересованы в прибыльности китобойного промысла и до сих пор получали немалый доход от каждого плавания. Правда, они трудились не жалея сил, так как судовая команда была весьма невелика, но зато их малочисленность увеличивала долю каждого при подведении баланса по окончании сезона. На этот раз, правда, почти никакого дохода не ожидалось, и потому они с достаточным основанием проклинали «этих негодяев с Новой Зеландии».

Только один человек на судне не был американцем по происхождению. Негоро, выполнявший на «Пилигриме» скромные обязанности судового кока, родился в Португалии. Впрочем, и он отлично говорил по-английски.

После того как прежний кок сбежал в Окленде, Негоро предложил капитану свои услуги. Этот молчаливый, замкнутый человек сторонился товарищей, но дело свое знал неплохо. У капитана Халла, который его нанял, очевидно, был верный глаз: за время своей работы на «Пилигриме» Негоро ни разу не заслужил ни малейшего упрека.

И все-таки капитан Халл сожалел, что не успел навести справок о прошлом нового кока. Внешность португальца и особенно бегающие глаза не очень нравились капитану, а прежде чем допустить незнакомца

в крохотный, тесный мирок китобойного судна, необходимо все узнать о его прежней жизни.

Негоро на вид было около сорока лет. Среднего роста, худощавый, жилистый, черноволосый и смуглый, он производил впечатление сильного человека. Получил ли он какое-нибудь образование? По-видимому, да, если судить по замечаниям, которые у него изредка вырывались. Впрочем, Негоро никогда не говорил ни о своем прошлом, ни о своей семье. Никто не знал, где он жил и что делал раньше. Никто не знал и что он собирается делать потом. Он сказал только, что намерен списаться на берег в Вальпараисо. В общем, он был странный человек. И несомненно, не моряк. В морском деле он смыслил даже меньше, чем обычный кок, который значительную часть своей жизни провел в плаваниях.

Однако ни боковая, ни килевая качки на него не действовали, морской болезнью, которой подвержены новички, он не страдал, а это уже немалое преимущество для судового повара.

Как бы то ни было, Негоро редко выходил на палубу. Весь день он обычно проводил в своем крохотном камбузе, большую часть которого занимала кухонная плита. С наступлением ночи, погасив огонь в плите, Негоро удалялся в каморку, отведенную ему на носу. Там он тотчас же ложился спать.

Как уже было сказано, экипаж «Пилигрима» состоял из пяти матросов и одного младшего матроса.

Этот пятнадцатилетний младший матрос был сыном неизвестных родителей. Его еще совсем крошкой нашли у чужих дверей, и вырос он в воспитательном доме.

Дик Сэнд — так звали его, — по-видимому, родился в штате Нью-Йорк, а может быть, и в самом городе Нью-Йорке.

Имя Дик, уменьшительное от Ричарда, было дано подкидышу в честь сострадательного прохожего, который подобрал его и доставил в воспитательный дом. Фамилия же Сэнд служила напоминанием о том месте, где был найден Дик, — о песчаной косе Сэнди-Хук в устье реки Гудзона, у входа в Нью-Йоркский порт.

Дик Сэнд был невысок и не обещал стать в дальнейшем выше среднего роста, но крепко сколочен. В нем сразу чувствовался англосакс, хотя он был темноволок, а глаза у него были темно-синие. Трудная работа моряка уже подготовила его к житейским битвам. Его умное лицо дышало энергией. Это было лицо человека не только смелого, но и способного дерзать.

Часто цитируют три слова незаконченного стиха Вергилия: «*Audaces fortuna juvat...*» («Смелым судьба помогает...»), но цитируют неправильно. Поэт сказал: «*Audentes fortuna juvat...*» («Дерзающим судьба помогает...»). Дерзающим, а не просто смелым почти всегда улыбается судьба. Смелый может иной раз действовать необдуманно. Дерзающий сначала думает, а затем действует. В этом тонкое различие.

Дик Сэнд был «*audens*» — дерзающий. В пятнадцать лет он умел уже принимать решения и доводить до конца все то, на что обдуманно решился. Его оживленное и серьезное лицо привлекало внимание. В отличие от большинства своих сверстников Дик был скуп на слова и жесты. В возрасте, когда дети еще не задумываются о будущем, Дик осознал свое жалкое положение и твердо решил «выбиться в люди» своими силами.

И он добился своего: он был уже почти мужчиной в ту пору, когда его сверстники еще оставались детьми.

Ловкий, подвижный и сильный, Дик был одним из тех одаренных людей, о которых можно сказать, что они родились с двумя правыми руками и двумя левыми ногами: что бы они ни делали — им все «с руки», с кем бы они ни шли — они всегда ступают «в ногу».

Как уже было сказано, Дика воспитывали за счет общественной благотворительности. Сначала его поместили в приют для подкидышей, каких много в Америке. В четыре года его стали учить чтению, письму и счету в одной из тех школ штата Нью-Йорк, которые содержатся на пожертвования великодушных благотворителей.

В восемь лет врожденная страсть к морю заставила его устроиться юнгой на судно, совершавшее рейсы в южные страны. На корабле он стал изучать морское дело, которому и следует учиться с детских лет. Судовые офицеры хорошо относились к пытливому мальчугану и охотно руководили его занятиями. Юнга вскоре должен был стать младшим матросом — несомненно, в ожидании дальнейшей карьеры. Тот, кто с детства знает, что труд — закон жизни, кто смолоду понял, что хлеб добывается только в поте лица (заповедь Библии, ставшая правилом для человечества), тот предназначен для больших дел, ибо в нужный день и час у него найдется воля и силы для свершения их.

Оказавшись как-то на борту торгового судна, где служил Дик, капитан Халл обратил внимание на способного юнгу. Бравый моряк полюбил смелого мальчика, а вернувшись в Сан-Франциско, рассказал о нем своему хозяину Джемсу Уэлдону. Тот заинтересовался судьбой Дика, определил его в школу в Сан-Франциско и помог окончить ее, воспитывая его в католической вере, которой придерживалась семья самого судовладельца.

Дик жадно поглощал знания, особенно интересуясь географией и историей путешествий, в ожидании того времени, когда возраст позволит ему изучать ту часть математики, которая имеет отношение к навигации. Но он не пренебрегал и практической подготовкой. Окончив школу, он поступил младшим матросом на китобойное судно своего благодетеля Джемса Уэл-

дона. Дик знал, что «большая охота» — китобойный промысел — не менее важна для воспитания настоящего моряка, чем дальние плавания. Это отличная подготовка к профессии моряка, чреватой всяческими неожиданностями. К тому же этим учебным судном оказался «Пилигрим», плававший под командованием его покровителя — капитана Халла. Таким образом, молодому матросу были обеспечены наилучшие условия для обучения.

Стоит ли упоминать, что юноша был глубоко предан семье Уэлдон, которой он был стольким обязан? Пусть факты говорят сами за себя. Но легко можно представить себе, как обрадовался Дик, когда узнал, что миссис Уэлдон с сыном совершат плавание на «Пилигриме». Миссис Уэлдон в продолжение нескольких лет заменяла Дику мать, а маленького Джека он любил, как родного брата, хотя и понимал, что положение у него совсем иное, чем у сына богатого судовладельца. Но его благодетели отлично знали, что семена добра, которые они посеяли, пали на плодородную почву. Сердце сироты Дика было полно благодарности, и он не колеблясь отдал бы жизнь за тех, кто помог ему получить образование. В общем, пятнадцатилетний юноша действовал и мыслил как взрослый человек тридцати лет — таков был Дик Сэнд.

Миссис Уэлдон высоко ценила Дика. Она знала, что может спокойно доверить ему своего маленького Джека. Дик Сэнд обожал малыша, который льнул к нему, чувствуя, что «старший братец» любит его. В те долгие часы досуга, которые часты при плавании в хорошую погоду в открытом море, когда все паруса поставлены и не требуют никакой работы, Дик с Джеком были почти все время вместе. Молодой матрос развлекал ребенка, показывал ему все, что могло быть для мальчика занимательным в морском деле. Миссис Уэлдон без страха смотрела, как Джек взбирался по вантам то

на грот-марс, то на фор-брам-стенгю¹ и стрелой скользил по снастям вниз на палубу. Дик Сэнд всегда был возле малыша, готовый поддержать, подхватить его, если бы ручки пятилетнего Джека вдруг ослабели. Упражнения на вольном воздухе шли на пользу ребенку, только что перенесшему тяжелую болезнь; морской ветер и ежедневная гимнастика быстро возвратили здоровый румянец его побледневшим щекам.

Вот так шла жизнь на борту «Пилигрима». Не будь восточных ветров, ни у экипажа, ни у пассажиров не было бы никаких оснований жаловаться.

Однако упорство восточного ветра не нравилось капитану Халлу. Ему никак не удавалось лечь на более благоприятный курс. К тому же он опасался на дальнейшем пути попасть в полосу штилей у тропика Козерога, не говоря уж о том, что экваториальное течение могло отбросить его дальше на запад. Капитан беспокоился главным образом о миссис Уэлдон, хотя и сознавал, что он неповинен в этой задержке. Если бы неподалеку от «Пилигрима» прошел какой-нибудь океанский пароход, направляющийся в Америку, он обязательно посоветовал бы своей пассажирке пересечь на него. Но к несчастью, «Пилигрим» отклонился так далеко на юг, что трудно было надеяться встретить пароход, следующий в Панаму. Да и сообщение между Австралией и Новым Светом через Тихий океан в то время не было столь оживленным, каким оно стало впоследствии. Капитану Халлу оставалось только ждать, пока погода не смилостивится над ним. Казалось, ничто не должно было нарушить однообразия этого морского путешествия, как вдруг именно в этот день, 2 февраля, под широтой и долготой, указанными в начале этой повести, произошло первое неожиданное событие.

¹ *Грот-марс* — площадка на задней мачте; *фор-брам-стенгя* — третья часть составной передней мачты.

День был солнечный и ясный. Часов около девяти утра Дик Сэнд и Джек забрались на салинг¹ фок-мачты; отсюда им видна была вся палуба корабля и широкие просторы океана. Лишь часть горизонта за кормой заслонялась грот-мачтой, которая несла грот и топсель. Впереди над волнами поднимался острый бушприт с тремя туго натянутыми кливерами, похожими на три крыла неравной величины. Под ногами у них вздувалось полотнище фока, а над головой — фор-марсель и брамсель. Шхуна держалась возможно круче к ветру.

Дик Сэнд объяснял Джеку, почему правильно нагруженный «Пилигрим» не может опрокинуться, хотя он и кренится довольно сильно на штирборт², как вдруг мальчик прервал его восклицанием:

— Что это?!

— Ты что-нибудь увидел, Джек? — спросил Дик Сэнд, выпрямившись во весь рост на рее.

— Да, да! Вон там! — сказал Джек, указывая на какую-то точку, видневшуюся в просвете между кливером и стакселем.

Вглядевшись в ту сторону, куда указывал Джек, Дик Сэнд крикнул во весь голос:

— Справа по носу, под ветром, затопленное судно!

Глава третья

СУДНО, ПОТЕРПЕВШЕЕ КРУШЕНИЕ

Возглас Дика Сэнда всполошил весь экипаж. Свободные от вахты матросы бросились на палубу. Капитан Халл покинул свою каюту и пошел на нос.

Миссис Уэлдон, Нэн и даже невозмутимый кузен Бенедикт, облокотившись о поручни штирборта, ста-

¹ Салинг — горизонтальные брусья, соединяющие части мачты.

² Штирборт — правая сторона (борт) судна.

рались разглядеть затонувшее судно, о котором сообщил Дик.

Только Негоро остался в каморке, которая служила на судне камбузом. Из всей команды лишь его одного, по-видимому, не заинтересовала эта неожиданная встреча.

Замеченный Диком предмет покачивался на волнах примерно в трех милях от «Пилигрима».

— Что бы это могло быть? — спросил один из матросов.

— По-моему, брошенный плот! — ответил другой.

— Может быть, там какие-нибудь несчастные терпят бедствие? — сказала миссис Уэлдон.

— Подойдем поближе — узнаем, — ответил капитан Халл. — Однако мне кажется, что это не плот, скорее это опрокинувшийся набок корпус корабля...

— Нет!.. По-моему, это гигантское морское животное! — заявил кузен Бенедикт.

— Не думаю, — сказал Дик Сэнд.

— А что это по-твоему, Дик? — спросила миссис Уэлдон.

— Я, так же как и капитан Халл, полагаю, что это накренившийся набок корпус судна, миссис Уэлдон. По-моему, я различаю даже, как блестит на солнце его медная обшивка.

— Да... да... теперь и я вижу, — подтвердил капитан. И, повернувшись к рулевому, он скомандовал: — Спустился под ветер, Болтон, держи прямо на это судно!

— Есть, капитан! — ответил рулевой.

— Я остаюсь при своем мнении, — заявил кузен Бенедикт. — Бесспорно, перед нами морское животное.

— В таком случае это медный кит, — сказал капитан Халл. — Смотрите, как он сверкает на солнце.

— Если это и кит, кузен Бенедикт, то во всяком случае мертвый, — заметила миссис Уэлдон. — Ясно видно, что он лежит без движения.

— Ну и что, кузина Уэлдон? — настаивал на своем ученый. — Это будет не первый случай, когда корабль повстречает спящего на воде кита!

— Так-то оно так, — сказал капитан Халл, — и все-таки перед нами не спящий кит, а судно.

— Посмотрим, — сказал упрямец.

Впрочем, кузену Бенедикту не было никакого дела до китов, и он променял бы всех млекопитающих арктических и антарктических морей на одно редкое насекомое.

— Одерживай, Болтон, одерживай! — крикнул капитан Халл. — Не надо подходить к судну ближе чем на кабельтов¹. Мы-то уж ничем не можем повредить этому бедняге, но мне вовсе не улыбается, чтобы он помял бок «Пилигриму». Приводи в бейдевинд!²

Легким движением руля «Пилигрим» был повернут немного влево.

Шхуна находилась еще на расстоянии доброй мили от накренившегося корабля. Матросы с жадным любопытством вглядывались в него. Быть может, в трюмах его хранится ценный груз, который удастся взять на «Пилигрим»? Известно, что за спасение груза с тонущего корабля выдается премия в размере одной трети его стоимости. Если содержимое трюма не повреждено водой, экипаж «Пилигрима» мог получить хороший «улов» и за один день возместить неудачу целого сезона.

Через четверть часа «Пилигрим» был уже в полумиле от плавающего предмета. Теперь не осталось никаких сомнений: это действительно был корпус опрокинувшегося набок корабля. Палуба его стояла почти отвесно. Мачты были снесены. От всех снастей оста-

¹ *Кабельтов* — морская мера длины, равная 0,1 морской мили, или 185,2 метра.

² *Бейдевинд* — курс под острым углом к встречному ветру.

лись лишь повисшие обрывки троса и порванные такелажные цепи. На скуле правого борта зияла большая пробоина. Шпангоуты и обшивка были вмяты внутрь.

— Этот корабль столкнулся с каким-то другим судном! — воскликнул Дик Сэнд.

— Да, несомненно, — подтвердил капитан Халл. — Просто чудо, что он тут же не затонул.

— Будем надеяться, что корабль, который налетел на это судно, снял с него всю команду, — заметила миссис Уэлдон.

— Да, будем надеяться, миссис Уэлдон, — ответил капитан Халл. — А может быть, экипажу после столкновения удалось спастись на собственных шлюпках, если протаранивший их корабль ушел от них, — такие случаи, к сожалению, бывают.

— Не может быть, капитан! Ведь это ужасная бесчеловечность!

— К сожалению, так бывает, миссис Уэлдон. Примеров сколько угодно. На этом корабле не осталось ни одной шлюпки, и надо полагать, что команда покинула его. Будем надеяться, что несчастных подобрало какое-нибудь встречное судно. Ведь добраться до суши на шлюпках отсюда почти невозможно — слишком велико расстояние до ближайших островов и тем более до Американского континента.

— Удастся ли когда-нибудь разгадать тайну этой катастрофы? — сказала миссис Уэлдон. — Как вы думаете, капитан Халл, остался на судне кто-нибудь из команды?

— Вряд ли, миссис Уэлдон, — ответил капитан Халл. — Нас бы уже давно заметили и подали какой-нибудь сигнал. Впрочем, мы сейчас проверим это... Держи немного круче к ветру, Болтон, приводи в крутой бейдевинд! — крикнул капитан, указывая рукой направление.

«Пилигрим» находился всего в трех кабельтовых от потерпевшего крушение корабля. Теперь уже не было никаких сомнений, что команда покинула его.

Внезапно Дик Сэнд сделал знак, чтобы все замолчали.

— Слушайте! Слушайте! — сказал он.

Все насторожились.

— Кажется, собака лает... — воскликнул Дик Сэнд.

С тонущего корабля действительно доносился собачий лай. Там, несомненно, была живая собака. Может быть, она не могла выбраться, потому что люки были закрыты. Во всяком случае, ее не было видно.

— Если даже там осталась одна лишь собака, спасем ее, капитан, — сказала миссис Уэлдон.

— Да, да! — воскликнул маленький Джек. — Надо спасти собачку! Я сам буду кормить ее. Она нас полюбит... Мама, я сейчас сбегаю принесу ей кусочек сахара!

— Не ходи, сынок, — улыбаясь, сказала миссис Уэлдон. — Бедное животное, должно быть, умирает с голоду и, вероятно, предпочло бы похлебку твоему сахару.

— Так отдай ей мой суп, — сказал мальчик. — Я могу обойтись без супа!

С каждой минутой лай слышался все явственнее. Между двумя кораблями было теперь менее трехсот футов. Вдруг над бортом показалась голова крупного пса. Положив передние лапы за фальшборт, он отчаянно лаял.

— Хоуик! — позвал капитан боцмана. — Ложитесь в дрейф и велите спустить на воду шлюпку.

— Держись, собачка! Держись! — кричал Джек; собака продолжала лаять, словно отвечая ему.

Паруса «Пилигрима» быстро были обрасоплены¹ таким образом, что он оставался почти неподвижным в полукабельтове от потерпевшего крушение судна.

¹ *Обрасопить* — поставить паруса в другое положение, поворачивая реи при помощи брасов (прикрепленных к ним снастей).

Шлюпка уже покачивалась на волне. Капитан Халл, Дик Сэнд и два матроса соскочили в нее.

Собака цеплялась за фальшборт, срывалась с него, падала на палубу и лаяла не переставая; но казалось, она лает не на быстро приближавшуюся шлюпку. Может быть, она звала пассажиров или матросов, запертых, как в тюрьме, на потерпевшем крушение судне?

«Неужели там есть живые люди?» — думала миссис Уэлдон.

Шлюпка была уже близка к цели, еще несколько взмахов весел, и она подойдет к круто поднявшемуся борту.

Собака снова залаяла. Но теперь она уже не призвала своим лаем спасителей на помощь. Наоборот, в ее голосе слышалась ярость. Всех удивила такая странная перемена.

— Что с собакой? — спросил капитан Халл, когда шлюпка огибала корму судна, чтобы пристать со стороны борта, погрузившегося в воду.

Ни капитан Халл, ни даже оставшиеся на «Пилигриме» матросы не заметили, что поведение собаки изменилось как раз в ту минуту, когда Негоро, выйдя из камбуза, появился на баке.

Неужели собака знала судового кока? Предположение совершенно неправдоподобное.

Как бы там ни было, но, мельком взглянув на бешено лающего пса и ничем не выразив удивления, Негоро только нахмурился, повернулся и ушел обратно в камбуз.

Шлюпка обогнула корму судна. Надпись на корме гласила: «Вальдек».

Наименования порта приписки не было. Но по форме корпуса и по некоторым особенностям конструкции, которые сразу бросаются в глаза моряку, капитан Халл понял, что корабль американский. Да и название подтверждало эту догадку. Корпус — вот все, что

уцелело от большого брига водоизмещением в пятьсот тонн.

На носу «Вальдека» зияла широкая пробоина — след рокового столкновения. Благодаря тому что судно дало крен, пробоина поднялась над водой на пять-шесть футов, — вот почему «Вальдек» не затонул.

На палубе не было ни души.

Собака, оставив борт, добралась по наклонной палубе до открытого центрального люка и продолжала лаять, то опуская голову в люк, то оборачиваясь к приплывшим.

— Очевидно, этот пес — не единственное живое существо на корабле, — заметил Дик Сэнд.

— Я тоже так думаю, — сказал капитан Халл.

Шлюпка плыла теперь вдоль погруженного в воду борта. Первая же большая волна неминуемо должна была пустить «Вальдек» ко дну.

На бриге все было начисто сметено. Торчали только основания грот-мачты и фок-мачты, не выше двух футов над палубой. Очевидно, мачты сломались при столкновении и упали за борт, увлекая за собой паруса и снасти. Однако в воде вокруг корабля нигде не было видно никаких обломков. Это могло означать только одно: катастрофа с «Вальдеком» произошла уже много дней назад.

— Если люди и уцелели после столкновения, — сказал капитан Халл, — то, вероятнее всего, они погибли от жажды и голода: ведь камбуз залит водой. Должно быть, на борту судна остались одни трупы.

— Нет! — воскликнул Дик Сэнд. — Нет! Собака не стала бы так лаять. Тут есть живые.

И он позвал собаку. Умное животное тотчас же соскользнуло в море и, едва перебирая лапами от слабости, поплыло к шлюпке. Когда собаку втащили в нее, она с жадностью бросилась — но не к сухарю, который протянул ей Дик Сэнд, а к ведерку с пресной водой.

— Бедный пес умирает от жажды! — воскликнул Дик Сэнд.

Ища, где бы поудобнее причалить, шлюпка отошла на несколько футов от палубы тонущего корабля. Собака, очевидно, решила, что ее спасители не хотят подняться на борт. Схватив Дика Сэнда за полу куртки, она опять громко и жалобно залаяла.

Движения собаки и ее лай были понятнее всяких слов.

Шлюпка подошла к крамболу¹ левого борта. Матросы надежно закрепили ее, и капитан Халл с Диком Сэндом прыгнули на палубу одновременно с собакой. Не без труда, ползком, добрались они до центрального люка, зиявшего между двумя обломками мачт, и спустились в трюм.

В полузатопленном трюме не было никаких товаров. Бриг шел только под балластом; теперь песок пересыпался на левый борт и своей тяжестью удерживал судно на боку. Надежды на ценный груз не оправдались. Тут нечего было спасать.

— Здесь никого нет, — сказал капитан Халл.

— Никого, — подтвердил Дик Сэнд, пройдя в переднюю часть трюма.

Но собака на палубе продолжала заливаться лаем, как будто настойчиво стараясь привлечь внимание людей.

— Идем обратно, — сказал капитан Халл.

Они поднялись на палубу.

Собака подбежала к ним и стала тянуть их к юту².

Они пошли за ней.

Там, на полу кубрика³, лежали пять человек — вероятно, пять трупов.

¹ Крамбол — балка, с помощью которой поднимают якорь.

² Ют — кормовая часть палубы судна.

³ Кубрик — жилое помещение для команды.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая. Шхуна «Пилигрим»	5
Глава вторая. Дик Сэнд	16
Глава третья. Судно, потерпевшее крушение	23
Глава четвертая. Спасенные с «Вальдека»	32
Глава пятая. «С» и «В»	38
Глава шестая. Кит на горизонте	52
Глава седьмая. Приготовления к охоте	63
Глава восьмая. Полосатик	71
Глава девятая. Капитан Сэнд	80
Глава десятая. Следующие четыре дня	89
Глава одиннадцатая. Буря	102
Глава двенадцатая. Остров на горизонте	114
Глава тринадцатая. «Земля! Земля!»	124
Глава четырнадцатая. Что теперь делать?	136
Глава пятнадцатая. Гаррис	150
Глава шестнадцатая. В пути	163
Глава семнадцатая. Сто миль за десять дней	175
Глава восемнадцатая. Страшное слово	189

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая. Работорговля	200
Глава вторая. Гаррис и Негоро	211
Глава третья. В ста милях от берега	223

Глава четвертая. По трудным дорогам Анголы.	234
Глава пятая. Лекция о термитах, прочитанная в термитнике.	244
Глава шестая. Водолазный колокол	255
Глава седьмая. Лагерь на берегу Кванзы.	266
Глава восьмая. Из записной книжки Дика Сэнда	276
Глава девятая. Казонде	289
Глава десятая. Ярмарка	299
Глава одиннадцатая. Королевский пунш	310
Глава двенадцатая. Похороны короля	319
Глава тринадцатая. В фактории	330
Глава четырнадцатая. Известия о докторе Ливингстоне	340
Глава пятнадцатая. Куда может завести мантикора	353
Глава шестнадцатая. Мганнга	367
Глава семнадцатая. Вниз по течению	375
Глава восемнадцатая. Разные события	386
Глава девятнадцатая. «С. В.»	397
Глава двадцатая. Заключение	407

Верн Ж.

В 35 Пятнадцатилетний капитан : роман / Жюль Верн ; пер. с фр. М. Вовчок. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 416 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-09299-0

Впервые опубликованный в 1878 году роман французского писателя, классика фантастико-приключенческой литературы Жюль Верна «Пятнадцатилетний капитан» повествует о приключениях юного Дика Сэнда, который волею случая вынужден взять на себя управление китобойной шхуной «Пилигрим», держащей курс в Америку, и ответственность за жизни ее экипажа и пассажиров. В открытом море и в материковых глубинах Экваториальной Африки героям книги приходится столкнуться с множеством опасностей и не раз взглянуть в лицо гибели. Смертельное противостояние бандитам-работорговцам, пребывание в деревне колдунов, рискованные встречи с дикарями-людоедами, хищными животными и стремительными водами африканской реки — через эти и многие другие испытания придется пройти Дикю и его спутникам, прежде чем они вырвутся из зловещих дебрей Африканского континента...

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

ЖЮЛЬ ВЕРН
ПЯТНАДЦАТИЛЕТНИЙ КАПИТАН

Ответственный редактор Сергей Антонов
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Валерий Камендо, Станислава Кучепатова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 04.10.2018.
Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная.
Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 18,33. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, д. 93
 www.aoompk.ru, www.aoompk.rf
Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

A-AKB-17320-05-R

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
АЗБУКА-АТТИКУС

В состав Издательской Группы входят известнейшие российские издательства: «Азбука», «Махаон», «Иностранка», «КоЛибри».

Наши книги — это русская и зарубежная классика, современная отечественная и переводная художественная литература, детективы, фэнтези, фантастика, pop-fiction, художественные и развивающие книги для детей, иллюстрированные энциклопедии по всем отраслям знаний, историко-биографические издания.

Узнать подробнее о наших сериях и новинках вы можете на сайте

www.atticus-group.ru

Здесь же вы можете прочесть отрывки из новых книг, узнать о различных мероприятиях и акциях, а также заказать наши книги через интернет-магазины.

 ИНОСТРАНКА

 АЗБУКА

 КоЛибри

 Махаон

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В МОСКВЕ

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,
факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;
info@azbooka-m.ru

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,
факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В КИЕВЕ

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru
www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества
размещена по адресу:
www.azbooka.ru/new_authors/